

Память о войне в китайско-японских отношениях: забвение, актуализация, политизация

Кирилл
Кузьмин

Современные отношения между Китаем и Японией сложны и противоречивы. С одной стороны, эти государства имеют многовековую историю взаимодействия; культуры этих стран теснейшим образом переплетены: японская долгое время формировалась под сильным влиянием китайской. Экономике стран также зависят друг от друга: даже в первые, самые сложные годы «холодной войны» коммунистическое китайское руководство избрало в отношении капиталистической и проамериканской Японии стратегию «холодная политика – горячая экономика». Вместе с тем между КНР и Японией сохраняется множество проблем и споров, одной из причин которых являются отношения с США: для Китая это стратегический соперник, а для Японии – ключевой союзник. Кроме этого, оба игрока борются за лидерство в регионе и периодически признают друг друга угрозой собственной безопасности. Есть в наборе взаимных претензий и давний территориальный спор: речь идет об островах Сэнкаку (или Дяоюйдао в китайском языке), которые, в частности, стали причиной кризиса двусторонних отношений 2010–2012 годов¹.

С 1980-х список проблем, мешающих двум странам полноценно взаимодействовать, пополнился историческими претензиями со стороны Китая, проистекающими из трагических событий 1931–1945 годов. Речь идет о вторжении Японии в северный Китай и оккупации Маньчжурии с последующим образованием марионеточного государства Маньчжоу-го – и, далее, о японо-китайской войне 1937–1945 годов, сопровождавшейся захватом территорий, гибелью миллионов китайских и японских солдат и офицеров, а также мирных граждан (только со стороны Китая погибли, по разным подсчетам, от 18 до 35 миллионов человек).

Кроме того, японская армия при прямом содействии, руководстве и попустительстве командования совершала военные преступления, наиболее известным из которых является Нан-

Кирилл Кузьмин (р. 1997) – доцент кафедры истории и философии Иркутского национального исследовательского технического университета, исследователь проблем памяти и исторической политики.

1 Подробнее об истории спора см.: КИРЕЕВА А.А. *Японо-китайский спор: Сэнкаку или Дяоюйдао? // Азия и Африка сегодня.* 2013. № 10. С. 2–9; Она же. *Японо-китайский спор: Сэнкаку или Дяоюйдао? // Там же.* 2013. № 11. С. 18–26.

кинская резня 1937 года, когда погибло, по разным подсчетам, до нескольких сотен тысяч китайцев (исследователи в КНР и других странах говорят о 300 000 жертв). Также это и создание японским командованием на оккупированных территориях так называемых «станций для утешения», то есть легальных солдатских и офицерских публичных домов, где использовались «женщины для утешения» – корейки, китайки, филиппинки и представительницы других национальностей, подавляющее большинство из которых похитили и принудили к секс-работе. Многие из этих женщин погибли или пропали без вести. Наконец, это создание Японией печально известных «отрядов 731» и «100» Императорской армии, которые занимались бесчеловечными опытами над живыми людьми (пленными солдатами и мирными жителями, причем не только китайцами), а также испытанием над ними химического и биологического оружия. В ряду преступлений японских военных также «рисовые наступления» (изъятие на оккупированных территориях у крестьян запасов продовольствия), бомбардировки мирных населенных пунктов, массовые изнасилования.

Перечисленные трагедии стали темами и сюжетами, определившими коллективную память китайцев о войне и повлиявшими на конструирование послевоенной идентичности, развитие исторической памяти и отношение к Японии и японцам. В то же самое время в послевоенной Японии отношение к событиям 1931–1945 годов стало основой обновленной идентичности и сформировало повестку будущих противоречий, разделивших японское общество. Соответственно, память о войне, ставшая в обеих странах определяющим смысловым конструктом коллективной памяти с совершенно разным содержанием мемориального нарратива, не могла не повлиять на китайско-японские отношения. Об этой памяти, как о факторе двустороннего взаимодействия в 1945–2018 годах, и пойдет речь в данной статье.

В восприятии населения Китая война с Японией стала прежде всего трагедией огромного масштаба, учитывая, что, согласно последним официальным китайским подсчетам, ее жертвами оказались более 35 миллионов человек. Кроме того, Китай был жертвой агрессии, вышедшим победителем в войне. Виктимный характер памяти во многом обусловил сакрализацию сюжетов официозного повествования о войне. Скажем, в Китае считается недопустимым подвергать сомнению государственные данные о количестве жертв; самым неприкасаемым символом является число погибших в Нанкинской резне (300 000) – это уже нечто большее, чем просто статистика². Память Китая о Второй мировой – это память жертвы, в основе которой – кол-

2 В частности, число 300 000 вместе с известными именами погибших высечено на мемориальной стене в Музее Нанкинской резни в Нанкине.

лективная травма. С 1980-х партийное и государственное руководство стало активно использовать память о войне с Японией в качестве одного из нарративов, призванных сплотить китайское общество в духе патриотизма и незабвенности «столетия унижений»³.

Что касается японского общества, то оно оказалось в двойственном положении. С одной стороны, Япония признана виновницей войны в Азии, агрессором, совершившим тяжелейшие военные преступления. С другой стороны, память японцев также – во многом – приобрела виктимный характер, поскольку наземные боевые действия в конце концов перенеслись на территорию самой страны (битва за Окинаву, в которой погибло несколько сотен тысяч человек), но главная причина – атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, не говоря уже об «обычных» массированных бомбардировках американских ВВС, снесших с лица земли многие городские кварталы Токио и других японских городов вместе с десятками тысяч их жителей⁴. В итоге память японского общества и государства о войне замешана на основе как вины, так и жертвенности.

КИРИЛЛ КУЗЬМИН

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ
В КИТАЙСКО-ЯПОНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ...

Память о войне, ставшая в обеих странах определяющим смысловым конструктом коллективной памяти с совершенно разным содержанием мемориального нарратива, не могла не повлиять на китайско-японские отношения.

Нельзя также забывать о влиянии синтоизма и сложившегося на его основе и культе императора государственного милитаризма и ультрационализма, имеющих глубокие исторические корни. Все это не могло не стать важнейшим фактором, который стал определять память о войне в Японии. Именно здесь причины современной разобщенности японского общества в отношении к агрессивному прошлому. Одна часть японцев призывает помнить о виновности руководства страны и армии в развязывании войны и не допускать реставрации милитаризма. Другая часть, более консервативная и «правая», требует не ворошить прошлое, жить настоящим и будущим, а не «заниматься мазохизмом», по выражению представляющих этот сектор японских политиков. Еще есть правые радикалы и националисты, которые призывают к ревизии истории, отрицают

3 Подробнее о концепции «столетия унижений» в китайской политике см.: ZHENG W. *Never Forget National Humiliation. Historical Memory in Chinese Politics and Foreign Relations*. New York, 2012. P. 47–49.

4 ВУКН А. *Japan's History Textbooks Debate: National Identity in Narratives of Victimhood and Victimization // Asian Survey*. 2007. Vol. 47. № 5. P. 683–704.

виновность Японии в военной агрессии и преступлениях, которые ей, как они считают, несправедливо приписывают.

ОТНОШЕНИЯ СТРАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х – 1970-Е: ВЗАИМОВЫГОДНОЕ ЗАБВЕНИЕ

В политике обеих стран вплоть до 1970-х определяющей была тенденция забвения войны. И если в Китае она навязывалась государством, то в Японии сложилась спонтанно в результате взаимодействия разнообразных факторов, причем здесь скорее следует говорить не столько о забвении, сколько о стандартном действии коллективной (культурной) памяти, которая начинает воспроизводиться в обществе, актуализироваться, по мнению Яна Ассмана, приблизительно через сорок лет⁵. Так или иначе, но вплоть до рубежа 1970–1980-х историческая память практически не влияла на двусторонние отношения.

В период с 1945-го по 1972-й тема памяти о войне и японской агрессии почти не поднималась в отношениях Китая и Японии. До победы коммунистов в гражданской войне гоминьдановское руководство Китая во главе с Чан Кайши, заинтересованное в установлении дружественных отношений с японским правительством, старалось не упоминать о трагедиях недавнего прошлого. В разгар гражданской и начинавшейся «холодной» войны Чан Кайши пытался снискать поддержку новой японской власти, которую установили и поддерживали США. В отношении Токио был провозглашен «подход “воздавать добром за обиду”», то есть не акцентировать внимания на японских преступлениях⁶. Подобная тенденция, как ни странно, сохранилась и после прихода к власти коммунистов во главе с Мао Цзэдуном. Память о войне не была актуализирована и практически никак не влияла на отношения с Японией. Коммунистическое руководство КНР провозгласило принцип, согласно которому виновными считались японские милитаристы, а рядовые японцы и общественность не имели отношения к их преступлениям. Китаю в ситуации дипломатической изоляции, противостояния с США и ухудшения отношений с СССР во второй половине 1950-х необходимо было сохранить экономические и культурные связи, сложившиеся с Японией на тот момент. Этим объясняется тот факт, что в 1962 году китайское правительство не допустило к публикации книгу о Нанкинской резне⁷.

5 АССМАН Я. *Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 53.

6 ПЕРМИНОВА В.А. *Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х – начале 80-х годов XX века* // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2021. Т. 20. № 4. С. 82.

7 LI H., HUANG SH. (Eds.). *The Nanjing Massacre and the Making of Mediated Trauma*. London, 2021. P. 21.

В 1972 году произошла нормализация китайско-японских отношений. Было подписано Совместное коммюнике, в котором Япония выражала глубокое сожаление по поводу агрессии в прошлом, а КНР отказалась требовать от японского правительства репарации за войну⁸. При этом в самом китайском обществе память о войне никуда не ушла – как и острое неприятие всего, что связано с Японией. Подтверждением служит тот факт, что в сентябре 1972 года китайским партийным и государственным чиновникам пришлось проводить разъяснительную работу с населением, которое подозрительно относилось к японцам, посещавшим страну в рамках подготовки и подписания коммюнике. Российская исследовательница Вера Перминова отмечает:

«Китайцы все еще продолжали воспринимать японцев как врагов. Несмотря на искренне дружественный настрой японских делегатов, посещавших послевоенный Китай с целью развития двустороннего торгового сотрудничества, местное население всегда с настороженностью, а порой и с явным недовольством относилось к подобным визитам»⁹.

В китайском обществе к тому моменту уже сформировалось противоречивое отношение к памяти о войне¹⁰. С одной стороны, травмы были серьезными и определяющими отношение к Японии, а с другой, память о войне подвергалась официальному – что очень важно для Китая – забвению и не имела актуализации. Скажем, в Договоре о мире и дружбе 1978 года, который восстановил дипломатические отношения двух стран, тема исторической памяти о войне вообще не поднималась¹¹.

Память в 1980–1990-е: политизация прошлого

Проблемой для китайско-японских отношений память о событиях 1931–1945 годов стала только в 1980-е, в разгар масштабных реформ в КНР, начатых после смерти Мао Цзэдуна. Триггером стало изменение нарратива о войне, которое собирались внести в японские учебники истории. Это вызвало мгновенную критику со стороны КНР. Данный инцидент оказался первым известным случаем, когда историческая память о войне и

8 *Joint Communique of the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China* (www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html).

9 ПЕРМИНОВА В.А. *Указ. соч.* С. 86.

10 Там же; YOSHIDA T. *The Making of the «Rape of Nanking»: History and Memory in Japan, China, and the United States*. London, 2006. P. 203–204.

11 *Treaty of Peace and Friendship between Japan and the People's Republic of China* (www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/treaty78.html).

КИРИЛЛ КУЗЬМИН

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ
В КИТАЙСКО-ЯПОНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ...

отличия в ее восприятии в Китае и Японии стали международной проблемой. В сентябре 1982 года генеральный секретарь Центрального комитета компартии Китая Ху Яобан, выступая на XII съезде КПК, сказал:

«Некоторые силы в Японии обеляют японскую агрессию против Китая и других стран Восточной Азии в прошлом и проводят мероприятия по возрождению японского милитаризма. Эти опасные события не могут не насторожить народы Китая, Японии и других стран»¹².

Еще более серьезным конфликтом между КНР и Японией на почве памяти о войне стало дипломатическое противостояние 1985 года, вызванное посещением храма Ясукуни – места поминовения погибших во Второй мировой войне – премьер-министром Японии Ясухиро Накасонэ¹³. Визит главы правительства воспринимался как политический жест в отношении военного прошлого, как попытка оправдать военные преступления. Посещение храма Ясукуни вызвало волну протестов в азиатских государствах. В КНР на демонстрации вышли студенты, а в прессе было опубликовано множество осуждающих статей. С официальными протестами выступили и представители китайской власти: вице-премьер Госсовета Яо Илин публично раскритиковал Накасонэ за его визит, а генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан сказал, что Накасонэ «задел чувства народа Китая»¹⁴. После этого на протяжении нескольких лет премьер-министры Японии официально не посещали храма Ясукуни. Тем не менее событий 1985 года стало достаточно, чтобы «проблема Ясукуни» стала международной и политической, а тема войны превратилось в камень преткновения в двустороннем взаимодействии.

1990-е стали временем формирования и институционализации противостояния китайского и японского повествований о войне в политическом и культурном пространстве. В эти годы на отношение китайского руководства и общества к Японии влияло усиление консервативного подхода в японской исторической политике, что подталкивало китайскую общественность и политические силы к усиленному продвижению собственного нарратива о войне. В это десятилетие в китайских СМИ нередко критиковались подходы консерваторов в Японии к памяти о войне и агрессии. Кроме того, в китайском обществе –

12 *The 12th National Congress* (www.bjreview.com.cn/90th/2011-04/12/content_357550_11.htm).

13 Храм Ясукуни в Токио – синтоистское святилище, посвященное японским военным, погибшим в войнах XIX–XX веков, которые вела их страна. Там поминаются и военные, погибшие в годы Второй мировой войны, в том числе генералы и адмиралы Императорской армии Японии, признанные международными трибуналами военными преступниками по классам А, В, С, виновные в преступлениях против мирного населения.

14 SMITH S. A. *Intimate Rivals: Japanese Domestic Politics and a Rising China*. New York, 2015. P. 79.

не без влияния власти – появилась еще одна тенденция, в последующие годы влиявшая на отношения двух стран. Речь идет о требовании Китая извинений от японской стороны за агрессию прошлого. Так, газета «The New York Times» писала во время визита в КНР императора Акихито в октябре 1992 года: «От 80% до 90% респондентов считают, что императору нужно посетить Китай, но при этом ему следует извиниться и предложить компенсацию»¹⁵.

На политическом уровне конфликты происходили в основном на фоне общего ухудшения отношений – как, например, в 1996 году во время тайваньского кризиса, обострения ситуации вокруг спорных островов Сэнкаку (Дяоюйдао) и посещения в конце июля премьер-министром Японии Рютаро Хасимото храма Ясукуни. Визит вызвал протест китайских властей: официальный представитель Министерства иностранных дел КНР выступил с осуждающим заявлением, в котором было отмечено, что Хасимото задел чувства азиатских народов, а японское правительство призывалось к «правильному отношению» к своему прошлому ради восстановления доверия с их стороны. Тогда же вышла статья в «Жэньминь жибао» – главной газете китайских коммунистов – с критикой этого визита, а сам этот политический жест главы правительства Японии объяснялся ростом правых настроений в японском обществе и запросом на пересмотр исторической памяти о войне.

Впрочем, вскоре отношения были нормализованы, а влияние на них памяти о войне несколько ослабло. Однако в это десятилетие сложилась практика, когда официальные представители КНР либо устно на встречах с японскими политиками или чиновниками, либо в двусторонних политических документах стали регулярно упоминать о необходимости трезвой оценки Японией своего прошлого. В частности, в 1997 году во время визита Рютаро Хасимото в Китай председатель КНР Цзян Цзэминь на двусторонней встрече подчеркнул важность «правильного взгляда Японии на прошлое», который должен заключаться, по всей видимости, в признании вины за военные преступления. В следующем году во время посещения Японии китайским руководителем, несмотря на извинения японского премьер-министра, китайская сторона осталась не удовлетворена позицией Японии¹⁶.

Стоит отметить, что в 1990-е высшие лица японского правительства, несмотря на мощное сопротивление консерваторов из Либерально-демократической партии Японии, сделали не-

15 WUDUNN S. *Akihito Visit Stirring Bitterness among Chinese* (www.nytimes.com/1992/10/23/world/akihito-visit-stirring-bitterness-among-chinese.html).

16 KRISTOF N.D. *China Gets an Apology from Japan* // New York Times. 1998. November 27 (www.nytimes.com/1998/11/27/world/china-gets-an-apology-from-japan.html).

сколько важных шагов к урегулированию исторических споров. Так, в 1993 году после нескольких лет отрицания причастности японского военного командования к организации «станций для утешения» и использованию «женщин для утешения» генеральный секретарь правительства Японии Ёхэй Коно в официальном заявлении от лица кабинета признал, что военные участвовали в вербовке девушек, которые принуждались к работе на «станциях». Кроме того, правительство приносило извинения и выражало раскаяние перед «женщинами для утешения». В частности, в заявлении было сказано:

«Мы должны прямо смотреть в лицо историческим фактам, описанным выше, вместо того, чтобы уклоняться от них, и принимать их близко к сердцу как уроки истории. Настоящим мы подтверждаем нашу твердую решимость никогда не повторять той же ошибки, навсегда запечатлевая подобные вопросы в нашей памяти посредством изучения и преподавания истории»¹⁷.

Также одним из важнейших шагов в двусторонних отношениях стало заявление премьер-министра Томиити Мураямы от 15 августа 1995 года, опубликованное, несмотря на волну критики правых в парламенте и медиа. В нем говорилось:

«В надежде, что подобная ошибка не повторится в будущем, я со смирением отношусь к этим неопровержимым фактам истории и здесь еще раз выражаю свои чувства глубокого раскаяния и приношу свои искренние извинения»¹⁸.

Важно отметить, что вплоть до этого момента ни один японский политический лидер не приносил от имени правительства официальных извинений за агрессию 1931–1945 годов. Чаще всего использовались слова «сожаление» и «раскаяние». Эти формы были употреблены, в частности, в Совместном коммюнике 1972 года, а также в заявлении императора Акихито во время его визита в Китай в 1992 году.

2000-Е: МЕЖДУ КОНФРОНТАЦИЕЙ И НОРМАЛИЗАЦИЕЙ

Эскалация конфликта по поводу отношения к исторической памяти о войне началась в 2001 году, когда премьер-министром Японии стал Дзюньитиро Коидзуми, взявший курс на проведение более решительной внешней политики. Он стремился ограничить китайское влияние на отношение японского общества

¹⁷ *Statement by the Chief Cabinet Secretary* (www.mofa.go.jp/a_o/rp/page25e_000343.html).

¹⁸ *Statement by Prime Minister Tomiichi Murayama «On the Occasion of the 50th Anniversary of the War's End» (15 August 1995)* (www.mofa.go.jp/announce/press/pm/murayama/9508.html).

и государства к истории и проводить самостоятельную историческую политику. В частности, он регулярно посещал храм Ясукуни, что вызывало протесты КНР и даже стало причиной ухудшения двусторонних отношений. Еще в 2001 году Китай обозначила свою позицию по вопросу посещения Ясукуни: для КНР это чествование военных преступников и возвращение к милитаризму. Однако Коидзуми не отказался от регулярных визитов туда, а в 2006 году посетил храм 15 августа¹⁹. Также стоит отметить, что на эти годы пришлось изменение нарратива о войне в японских учебниках: само повествование было серьезно «сглажено», а многие факты и события исключены. Это также вызывало протесты китайской стороны. Например, в 2005 году на встрече глав МИД двух стран китайский министр Ли Чжаосин заявил:

«Китай надеется, что японская сторона предпримет конкретные действия, чтобы выполнить свое обещание посмотреть правде в глаза, провести самостоятельный анализ истории своего вторжения и прекратить делать то, что могло бы нанести ущерб чувствам китайского народа, чтобы тщательно разрешить соответствующие проблемы»²⁰.

Пик конфронтации пришелся на 2004–2005 годы. В 2004-м японская команда по футболу во время проведения Кубка Азии в Китае подверглась нападкам со стороны китайских болельщиков. В 2005-м разгорелся конфликт из-за инициативы нескольких стран включить в состав постоянных членов Совета безопасности ООН Японию. Против этого резко выступил Китай, аргументировавший свое решение тем, что постоянным членом Совбеза не может быть страна, отрицающая свою агрессию в прошлом. Тогда же произошел скандал, связанный с публикацией в Японии учебников истории с обновленным повествованием о японо-китайской войне и преступлениях японской армии. Эти события вызвали в Китае масштабные антияпонские протесты, во время которых в крупнейших городах демонстранты громили офисы японских компаний и здания дипломатических представительств. Китайское правительство не принесло за погромы извинений и не оплатило ущерб.

С уходом в отставку правительства Дзюньитиро Коидзуми китайско-японские отношения вновь нормализовались, что способствовало временному затуханию конфликтов вокруг па-

КИРИЛЛ КУЗЬМИН

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ
В КИТАЙСКО-ЯПОНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ...

19 15 августа 1945 года началась объявленная ранее императором Хирохито капитуляция японских вооруженных сил, официально завершившаяся 2 сентября. В странах северо-восточной Азии 15 августа считается неофициальным днем завершения войны, а в КНДР и Республике Корея – это государственный праздник, День освобождения.

20 *China Tells Japan: Take «Concrete Actions» on History* // China Daily. 2005. April 18 (www.chinadaily.com.cn/english/doc/2005-04/18/content_434996.htm).

мости о прошлом. До 2010 года сотрудничество в целом развивалось конструктивно и продуктивно, а японские премьер-министры воздерживались как от визитов в храм Ясукуни, так и от заявлений на исторические темы. Тем не менее внутри Японии периодически звучали радикальные мнения политиков и общественных деятелей, которые подвергались критике китайских СМИ.

Однако уже в 2010–2012 годах произошло резкое ухудшение отношений между Китаем и Японией, связанное с проблемой спорных островов и приведшее к новой актуализации исторических вопросов. В 2012 году в КНР прошла очередная волна антияпонских демонстраций и погромов: демонстранты крушили японские рестораны, поджигали автомобили японского производства, нападали на офисы японских компаний.

Особую роль в усугублении ситуации вокруг исторических вопросов сыграла смена власти в обеих странах. В 2012 году руководителем Китая стал Си Цзиньпин, вскоре начавший курс на «пересборку» и укрепление национальной идентичности, в частности, посредством активизации повсеместного идеологического воспитания и трансформации исторической политики. В Японии премьер-министром стал Синдзо Абэ – консерватор, критик «политики извинений», «мазохистского» взгляда японского общества на собственную историю. В декабре 2013 года он впервые (с 2006-го) посетил Ясукуни, чем вызвал мощную критику в свой адрес со стороны китайских официальных представителей и СМИ, – этот визит назвали «поклонением призракам». Весной следующего года, когда некоторые японские чиновники вновь посетили святилище, в «Жэньминь жибао» назвали это «поклонением чертям»²¹, а о самом премьер-министре Японии писали так:

«Фарсовый сценарий выявил коварные замыслы. Чтобы опровергнуть историю агрессии, изменить международный порядок после Второй мировой войны, осуществить “безумные устремления”, представители правых сил под руководством Синдзо Абэ прикладывают усилия для создания нездоровой атмосферы на политической арене, они подорвали репутацию страны, препятствуют перспективам Японии»²².

В 2012–2018 годах китайско-японские отношения вновь вернулись от серьезной эскалации к нормализации, однако тема исторической памяти гораздо чаще стала использоваться как инструмент давления китайского руководства на японское правительство в вопросах, касающихся безопасности Японии

21 *Посещение Синдзо Абэ храма Ясукуни подает опасные сигналы* (<http://russian.people.com.cn/95181/8607046.html>).

22 Там же.

и также составляющих предмет беспокойства КНР. Например, в марте 2018 года, после предложений Абэ о внесении в Конституцию Японии изменений, касающихся девятой статьи²³, представитель МИД Китая Лу Кан от имени КНР выразил надежду, что «Япония вынесет уроки из истории и будет следовать пути мирного развития»²⁴. Он также отметил, что в силу исторических причин намерения Японии провести реформу Конституции привлекли большое внимание стран – жертв японской агрессии времен Второй мировой войны (прежде всего Китая и Южной Кореи). Летом 2017 года агентство «Синьхуа» выпустило критическую по отношению к японскому премьер-министру статью, в которой, в частности, говорилось:

«После прихода к власти Синдзо Абэ жестко продвинул закон о безопасности; он отказывается от признания ошибок Японии во время Второй мировой войны и в исторических вопросах. Напротив, он вновь и вновь оскорбляет чувства китайского народа, посещая храм Ясукуни, высказывая свои ошибочные мнения по вопросам Южно-Китайского моря, островов Дяоюйдао и “женщин для утешения”, что вызывает у Китая лишь сожаление»²⁵.

Помимо официальных СМИ, на тему общего прошлого двух стран высказывались и китайские руководители. Например, в октябре 2018 года, во время двусторонней встречи председателя КНР Си Цзиньпина и премьер-министра Японии Синдзо Абэ по случаю 40-летия подписания Договора о мире и дружбе, китайский лидер отметил, что документ «послужил прочной гарантией для взаимовыгодного сотрудничества, совместного развития и принятия надлежащих мер для решения чувствительных вопросов, связанных с историей»²⁶. Тогда же в подобном духе выступил и премьер Госсовета КНР Ли Кэцян.

Вопрос о нынешнем отношении китайского и японского обществ к событиям войны требует отдельного исследования. Здесь же в качестве иллюстрации ограничимся ссылкой на статью Полины Кульневой, где приводятся данные социологического опроса, проведенного японской некоммерческой организацией «Genron NPO» в 2018 году, согласно которым, положительно к КНР относятся лишь 13,1% японцев. В Китае ситуация несколько иная – 42,2%, а среди проблем, требующих решения, самыми популярными у китайских респонден-

23 Девятая статья Конституции Японии 1947 года провозглашает отказ государства от войны как способа разрешения международных конфликтов и от создания собственных вооруженных сил, кроме Сил самообороны Японии.

24 *Китай призвал Японию извлечь уроки из истории и следовать мирному пути развития* (http://russian.news.cn/2018-03/29/c_137074257.htm).

25 *Комментарий: Для улучшения отношений с КНР Японии следует выполнять обещания и держать слово* (http://russian.news.cn/2017-08/12/c_136521014.htm).

26 См.: www.mfa.gov.cn/web/zyxw/201810/t20181026_345171.shtml.

тов оказались именно вопросы истории: отношение Японии к агрессивной войне (62,2%) и Нанкинской резне (52,2%), тема японских репараций, извинений, проблемы «женщин для утешения», принуждения китайцев к труду на оккупированных японцами территориях и прочее (44,3%), японские учебники истории (40,9%). Что касается японцев, то самыми популярными были такие ответы: антияпонский характер китайского образования и школьных учебников (64,6%), публикации китайских СМИ о Японии (38,8%), отношение Японии к агрессивной войне (36,6%), тема японских репараций, извинений, проблемы «женщин для утешения», принуждения к труду и прочее (32%), отношение Китая к Нанкинской резне (30,9%)²⁷.

Данные опроса показали, что и для китайского, и для японского общества проблемы истории являются болезненными и требующими решения, однако для китайцев гораздо важнее нынешнее отношение Японии к вопросам прошлого, а для японцев на первых позициях стоят проблемы современного отношения Китая к их стране. Тем не менее все эти векторы исходят из одних и тех же исторических точек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историческая память о войне 1931–1945 годов является важнейшей составляющей как китайской, так и японской идентичностей. Историческая политика обеих стран сосредоточена вокруг нее. События этих полутора десятилетий сформировали культурную травму и для китайского, и для японского обществ, став ключевым «местом памяти» в обеих странах. В двусторонних отношениях историческая память о событиях 1931–1945 годов по-прежнему является ключевой проблемой и причиной разногласий. КНР активно использует тему войны для укрепления собственного международного статуса и сдерживания Японии. В Японии существует противоречивое отношение политиков и общества, стремящихся признавать ответственность за военную агрессию в прошлом и – одновременно – избегать ее официального признания и активного обсуждения, в частности, в системе образования и исторического воспитания. Это влияет на отношения с Китаем, а также определяет негативный образ японцев и их страны в китайском обществе.

По всей видимости, историческая память о событиях 1931–1945 годов в обозримом будущем останется одной из ключевых проблем китайско-японских отношений, во многом определяя политику двух стран по отношению друг к другу.

27 Кульнева П.В. *Место исторической памяти в восприятии Китая японским обществом* // Японские исследования. 2019. № 4. С. 113.